

Яблоков Илья Александрович

**ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА
И СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
(НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ)**

07.00.09 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира, средних веков
и методологии истории
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель кандидат исторических наук, доцент
Хазанов Олег Владимирович

Официальные оппоненты доктор исторических наук, доцент
Трубникова Наталья Валерьевна

кандидат исторических наук
**Миньяр-Белоручев
Константин Валерьевич**

Ведущая организация Учреждение Российской академии наук
Институт всеобщей истории РАН

Защита состоится 24 декабря 2010 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ауд. 41).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Автореферат разослан 12 ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы и направленность исследования. Актуальность избранной темы диссертационного исследования определяется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, необходимостью выработки новых подходов к изучению массового исторического сознания современной эпохи. Во-вторых, значимостью феномена американского конспирологизма для понимания природы исторического познания и исторического сознания в целом, его места в определении самобытных черт национального характера, а также его ролью в выстраивании межкультурного, межэтнического и межгосударственного диалога. Анализ основных черт общественного сознания, проецирующих настоящие комплексы и фобии на историческое прошлое, способствует дальнейшему исследованию глубинных механизмов формирования исторического сознания как такового, раскрытию его природы. В-третьих, ее социально-политической значимостью. Недостаточное внимание, которое уделялось до сих пор этой форме исторического сознания в отечественной историографии, ведет к неправильному пониманию многих факторов, которыми определяется сегодня поведение различных слоев общества – от простых людей до правящих элит, что чревато грубыми просчетами в сфере практического политического действия. Ввиду малого количества работ в отечественной историографии, посвященных данной проблеме, диссертационная работа не только заполняет лакуны научного знания, связанные с изучением механизмов формирования массового исторического сознания на современном этапе, но и создает значительный задел для последующих исследований явления теории заговора в контексте современной российской действительности.

Степень научной разработанности проблемы. Несмотря на тот факт, что в отечественной историографии наблюдается явный недостаток работ, связанных с изучением феномена теории заговора, тем не менее, стоит отметить ряд исследований в отечественных социо-гуманитарных науках, позволяющих внести ясность в изучаемую проблематику.

В первую очередь, следует отметить изданную в 1999 г. в Москве работу В.Э. Багдасаряна, посвященную исследованию корпуса публикаций конспирологического характера на материале российской историографии середины XIX–XX вв.¹ Автор внимательно проследил генезис и формы бытования конспирологического мифа в контексте отечественной истории, продемонстрировав универсальный характер явления, и специфические черты, отличающие отечественный конспирологический дискурс. Кроме того, указанным автором была опубликована работа «Проблема мифологизации истории в отечественной литературе 1990-х гг.»², на обширном материале раскрывающая основные историко-

¹ Багдасарян В.Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. М., 1999. 528 с.

² Багдасарян В.Э. Проблема мифологизации истории в отечественной истории 1990-х гг. М., 2000. 102 с.

мифологические конструкции, методологию исторического мифотворчества и исторические закономерности формирования мифологических теорий. Эти две публикации являются практически единственными научными исследованиями указанного явления в отечественной историографии.

Помимо этого, необходимо отметить ряд работ отечественных авторов, существенным образом проясняющих социально-политические аспекты изучаемого явления. Так, монография С.Я. Матвеева и В.Э. Шляпентох «Страхи в России в прошлом и настоящем»¹ исследует феномен страха перед социально значимыми процессами, воспринимаемыми массовым сознанием как катастрофа. Полномасштабное исследование функций страха и его влияния на общественное и историческое сознание помогает определить социально-политические факторы, актуализирующие конспирологическое мифотворчество в современном обществе.

Один из ведущих отечественных социологов Л. Гудков выпустил ряд работ², посвященных формированию и бытованию образа врага в российском обществе, рассматривая предпосылки формирования и структурные компоненты теорий заговора в зависимости от социально-экономических и политических условий. Позднее, в Москве вышел сборник статей, посвященных проблеме ксенофобии «Мы и они: Конформизм и образ ‘другого’»³, где важное место отводится исследованию взаимосвязи «свой-чужой» как социально-политического и историко-культурного феномена, а также влияния данного феномена на национальное строительство.

Работа Л. Кациса «Кровавый навет и русская мысль»⁴ представляет собой полномасштабное исследование одного из самых известных и трагичных событий в истории антиеврейских настроений в России – делу Бейлиса. Актуальность исследования заключается в изучении политических и историко-церковных аспектов дела, дающих понимание исторического контекста и характерных черт общественного сознания, способствовавших распространению антиеврейских предрассудков в российском обществе эпохи модерна.

Среди работ зарубежных авторов, посвященных тематике теории заговора, необходимо выделить эссе Р. Хофстэдтера «Параноидальный стиль в американской политике»⁵, ставшее одной из первых работ, позволивших идентифицировать влияние теорий заговора на американскую историю. Прежде причину заговоров объясняли, как правило, стараниями политиков, но работа Р. Хофстэдтера осветила и другой аспект бытования конспирологических мифов в политической сфере: психологический. Хофстэдтер отметил основные черты, при-

¹ Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск, 2000. 185 с.

² Гудков Л. Негативная идентичность : статьи 1997-2002 годов. М., 2004; Он же. Образ врага. М., 2005.

³ Васильев Л.С. Мы и они: Конформизм и образ ‘другого’ : сборник статей на тему ксенофобии. М., 2007. 224 с.

⁴ Кацис Л. Кровавый навет и русская мысль: историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М., 2006. 497 с.

⁵ Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics: And Other Essays. Harvard, 1966.

сущие мышлению человека, верящего в теории заговора, его восприятие настоящего и, что самое главное, прошлого.

Параллельно с Р. Хофстэдтером проводил свои исследования и историк Д. Б. Дэвис, опубликовавший ряд интереснейших работ по историографии теории заговора в США XIX–XX веков. Помимо ряда журнальных статей, ключевых для понимания американской конспирологической ментальности¹, стоит отметить его исследование «Страх заговора: образы анти-американской подрывной деятельности со времен революции и до настоящего времени»², в которой раскрывается генезис конспирологической ментальности со времен американской революции и до 60-х годов XX века.

Работа Б. Бэйлина «Идеологические истоки американской революции»³ хотя и не посвящена непосредственно исследованию теории заговора, в ней важное место отводится анализу влияния идеи о заговоре на жизнь предреволюционной Америки. Бэйлин был фактически первым из историков, кто подчеркнул ключевое влияние этого мотива на идеологическое обоснование революции и последовавших за ней дебатов об устройстве молодой республики. Стремясь оставить в стороне предположение, что теория заговора – всего лишь часть «дискурса сумасшедших», Бэйлин отмечал, что исследования конспирологического дискурса в американской истории – это шанс понять образ мышления американца XVIII века и последующих эпох, а также исследовать механизмы политической активности, движущие обществом.

Несмотря на то, что начало исследованию феномена теории заговора было положено американскими историками в 1960-е годы, период 1990–2000-х отличается особым интересом к данной тематике в контексте политических и экономических изменений американского общества. Особо стоит упомянуть работу Д. Пайпса «Заговор: Мания преследования в умах политиков»⁴, впервые опубликованную в 1997 году в США и изданную в 2008 году в России. Несмотря на своеобразный публицистический стиль работы, автор, анализируя различные свойственные теориям заговора черты, сделал одно из важных открытий: согласно Д. Пайпсу, независимо от политической принадлежности, люди в равной степени склонны серьезно относиться к теориям заговора, верить в них и популяризировать. Таким образом, теории заговора и вера в них становятся не просто уделом маргиналов праворадикального толка, но повсеместно распространенным феноменом, отсылающим скорее к природе чело-

¹ Davis D.B. Some Themes of Counter-Subversion: An Analysis of Anti-Masonic, Anti-Catholic, and Anti-Mormon Literature // The Mississippi Valley Historical Review. 1960. № 2. P. 205-224.

² Davis D.B. The Fear of Conspiracy: Images of un-American Subversion from the Revolution to the Present. New York, 1971. 369 p.

³ Bailyn V. The Ideological Origins of the American Revolution. Harvard, 1967. 416 p.

⁴ Pipes D. Conspiracy. How the Paranoid Style Flourishes and Where It Comes From. New York, 1997. 272 p. На русском языке: Пайпс Д. Заговор: Мания преследования в умах политиков. М., 2008. 336 с.

веческого сознания, чем к политической ориентации. В этом же ключе выполнена работа британского журналиста Д. Аароновитча «Истории Вуду: роль теории заговора в формировании современной истории»¹.

Работа М. Фенстера «Теории заговора: секретность и власть в американской культуре»² описывает феномен теории заговора, как двойственного явления: с одной стороны, это угроза политическому порядку, потенциально исходящая от наиболее активных и агрессивно настроенных сторонников теорий заговора; с другой стороны, теория заговора – это уникальное воплощение демократичности политического процесса, хотя и с определенным популистским оттенком, представляющее собой неотъемлемую часть политического дискурса современного демократического государства.

Р. А. Голдберг в своем исследовании³ представил анализ теорий заговора с позиции исторической науки, сделав интересный анализ процесса формирования исторических предпосылок конспирологической ментальности в общинах первых поселенцев в Америке. Автор также исследовал современное бытование феномена теории заговора в его самых распространенных направлениях в общественном дискурсе США.

Г. Уэст и Т. Сандерс в сборнике статей под своей редакцией⁴ собрали интересные проявления конспирологической ментальности в различных культурах, косвенно подтвердив, таким образом, мифологическую природу явления теории заговора.

Одним из интереснейших исследований, изучающих природу и предпосылки формирования конспирологической ментальности в современном обществе, является работа М. Баркуна «Культура заговора: образы Апокалипсиса в современной Америке»⁵. Баркун, отвечая на вопрос о причинах маргинального положения теорий заговора в общественном дискурсе, не только проводит фундаментальное исследование особенностей различных религиозных культов и контркультурных движений в современной Америке, но и выявляет способы верификации теорий заговора в глазах обывателя. В подобном же, хотя и несколько урезанном, виде выполнена работа Д. Томпсона «Антизнание: как мы сдались теориям заговора, врачам-шарлатанам, фальшивой науке и поддельной истории»⁶. На примерах современной массовой культуры Томпсон четко описывает каналы, по которым явления, ранее бывшие уделом интереса узких субкультурных групп, стали признанной частью официального дискурса, постепенно подменяя собой серьезные научные явления.

¹ Aaronovitch D. Voodoo Histories: The Role of Conspiracy Theory in Shaping Modern History. London, 2009. 368 p.

² Fenster M. Conspiracy theories: Secrecy and Power in American Culture. Minneapolis, 1999. 371 p.

³ Goldberg R.A. Enemies within: The Culture of Conspiracy in Modern America. New Haven, 2002. 368 p.

⁴ Transparency and conspiracy: ethnographies of suspicion in the new world order. Durham, 2003.

⁵ Barkun M. A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America. Berkeley, 2003. 328 p.

⁶ Thompson D. Counterknowledge: How we surrendered to conspiracy theories, quack medicine, bogus science and fake history. London, 2008. 176 p.

В 2003 г. в Калифорнии вышла многостраничная энциклопедия «Теории заговора в американской истории»¹ под редакцией британского исследователя П. Найта, в авторском составе которой представлены практически все ведущие американские исследователи конспирологической ментальности.

Стоит также отметить несколько работ, которые посвящены бытованию мифа о заговоре в современном обществе в целом и позволяющие выделить основные черты и специфику бытования теории заговора в современном обществе.

В первую очередь, следует упомянуть классическую работу Н. Кона «Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов»»². Впервые изданная в 1967 г. в Лондоне, работа исследует историю появления «Протоколов Сионских мудрецов» и структурные особенности этой фальшивки. Более того, обширный материал, собранный Н. Коном, позволяет проследить формирующие черты мифа об «еврейском заговоре» в европейском обществе, предпосылки для активизации данного мифа в общественном сознании, а также влиянию документа на рост антиеврейских настроений. Позднее итальянский ученый Чезаре де Микелис выпустил книгу ««Протоколы сионских мудрецов»: Несуществующий манускрипт, или подлог века»³, существенно дополнив и откорректировав результаты исследования Н. Кона.

Книга Й. Рогалла фон Бибберштайна «Миф о заговоре», первоначально изданная в Германии в 1976 г. под названием «Тезис о заговоре, 1776–1945», представляет собой интереснейший образец исследования мифа о масонском заговоре – ключевом мотиве конспирологического дискурса. Автор не только уделил большое внимание историческому контексту, объективным социально-политическим, идеологическим и философским предпосылкам появления тезиса о «масонском заговоре», но и скрупулезно исследовал огромный корпус архивных документов. Данный труд позволяет проследить генезис мифа о масонском заговоре в различные исторические периоды, начиная с первой половины XVIII века, а также постепенное объединение его с мифом об «еврейском заговоре».

Диссертация М. Леруа «Миф о иезуитах: От Беранже до Мишле»⁴ имеет предметом исследования политический миф о «заговоре иезуитов», имевший огромную популярность во Франции XIX в. Автор провел серьезное исследование полемической литературы, демонстрируя насколько легко политический миф конспирологического характера способен моби-

¹ Conspiracy theories in American History : An Encyclopedia. Santa Barbara, 2003. 925 p.

² Cohn N. Warrant for Genocide. The Myth of the Jewish World Conspiracy and the Protocols of the Elders of Zion. London, 1967. – 313 p. На русском языке: Кон Н. Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 2000. 172 с.

³ Микелис Ч. де «Протоколы сионских мудрецов»: Несуществующий манускрипт, или подлог века. Минск: МЕТ, Ковчег, 526 с.

⁴ Leroy M. Le mythe jésuite: de Béranger à Michelet. Paris, 1992. 467 p. На русском языке: Леруа М. Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле. М., 2001. 460 с.

лизовать общество в период политической и социально-экономической нестабильности. Более того, важное значение имеет концептуализация автором идеи о «заговоре иезуитов» сквозь призму мифологического сознания.

Объектом исследования является феномен теории заговора и его взаимодействие с современным историческим сознанием.

Предметом исследования служит изучение места и особенностей функционирования теорий заговора в американском общественном сознании и их взаимосвязь с историческим сознанием американской нации.

Целью работы является выявление комплекса исторических измерений конспирологического дискурса, содержащихся в общественном сознании американской нации.

Для реализации указанной цели в работе осуществляется решение ряда **задач**:

- на материале зарубежных и отечественных исследований определить основные черты теорий заговора и конспирологического сознания;
- рассмотреть объективные факторы социального, экономического, политологического, психологического свойства, предопределяющие формирование теорий заговора в современном обществе;
- проанализировать причины и специфику влияния теорий заговора на формирование исторического сознания;
- исследовать процесс формирования специфических идей в американском этнонациональном сознании сквозь призму теорий заговора, повлиявших на трансформацию исторического сознания;
- выявить исторические факторы, существенным образом повлиявшие на развитие конспирологической ментальности и межкультурных взаимоотношений в американском обществе.

Хронологические рамки исследования ограничены XVII–XX веками, т.е. периодом, когда можно говорить о начале развития в США традиции современного конспирологического мифотворчества.

Методологической основой работы в наиболее общем плане послужили принципы объективности и историзма. В работе используются как общенаучные методы исследования (анализ и описание), так и специальные методы: исторического и дискурсивного анализа, сравнительно-исторический метод. Для контекстуализации взглядов авторов и учёта возможных воздействий исторической среды на их работу в работе использован «синхронный» метод. Помимо этого, ввиду специфики конспирологического мышления, более всего напоминающего мифосознание, в исследовании были использованы наработки в изучении мифа,

способные дать наиболее полное понимание специфики и внутренней логики теории заговора.

Работа основана на материале американской историографии, имеющей обширный общетеоретический и методологический инструментарий, позволяющий взглянуть на феномен теории заговора с разных перспектив. Полидисциплинарный подход к исследованию феномена теории заговора возможен благодаря значительному корпусу работ, который начал формироваться в 1950–1960 гг. Так, за прошедшие более, чем пятьдесят лет были проведены исследования феномена теории заговора с позиции политологии, истории, социологии, религиоведения. Вопреки широко распространенному мнению о популярности теорий заговора среди сторонников праворадикальных взглядов, результаты исследований отчетливо демонстрируют, что теории заговора являются объектом коллективного мифотворчества как сторонников правых, так и левых взглядов. Подобный подход к восприятию действительности несколько не ограничивается рамками какой-то определенной идеологии, а скорее обоснован традиционными мифологическими архетипами человеческого мышления.

Для исследования идеи о заговоре с позиции теории мифа были использованы концепции А.Ф. Лосева и М. Элиаде. Первая концепция важна своим представлением о мифе, как неотъемлемой части нашей жизни, явлении вечном и всепроникающем. Для Лосева мифология видится всюду – в искусстве, поэзии и в науке. Конспирологически мыслящий человек живет в мире мифов, для него заговор есть неотъемлемая, неоспоримая часть существования. Если смотреть на поведение конспирологов с точки зрения концепции Лосева, многие очевидные противоречия «сглаживаются», что помогает понять мифологическую природу конспирологического сознания¹. Вторая – концепция мифа М. Элиаде, позволившая структурировать миф о заговоре по определенным признакам, перманентно присущим конспирологическому мифотворчеству.

Также необходимо отметить, что употребление в диссертационном исследовании таких терминов как «дискурс», «феномен», «миф» и др. используется безотносительно к той концептуальной парадигме, посредством которой тот или иной термин был изначально введен в научный лексикон. Употребление автором данных терминов в работе связано с тем, что они давно и прочно вошли в общегуманитарный терминологический оборот, потеряв, в некотором смысле, свое изначальное, узкоспециальное значение.

Источниковая база исследования. В разные периоды истории США изучение развития феномена теории и заговора и его взаимодействия с историческим сознанием американской нации основывалось на различных источниках. Так, первый период генезиса феномена относится к предреволюционной эре (1740–1783 гг.). Основными источниками, служившими

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М., 1991. 524 с.

для исследования бытования мифа о заговоре в общественном дискурсе американского общества в данный период, являются *отчеты официальных лиц*¹, *письма из личных архивов лидеров революции*², *публичные проповеди*³.

Второй период (1790-е–1865 гг.) характеризуется формированием основных направлений американского конспирологического мифотворчества. Основными источниками этого периода являются *государственные акты*⁴, *политические памфлеты*⁵, *публичные проповеди*⁶ и *выступления*⁷, *письма из личных архивов*⁸.

Третий этап (1865–1945 гг.), отмеченный ускорившимися процессами социально-экономической модернизации, характеризуется некоторой дифференциацией концептуальных направлений. Источниками для изучения конспирологической ментальности американского общества в этот период служили *монографии*⁹, *политические памфлеты*¹⁰, *статьи в периодических изданиях*¹¹, *сборники статей*¹², *литературные романы*¹³, *письма из личных архивов*¹⁴.

Четвертый этап (1945 г. – по настоящее время) отличается особенной дифференциацией концепций и тем американского конспирологического дискурса. Источники по этому периоду чрезвычайно разнообразны, однако, для данного исследования были использованы *монографии*¹⁵ и *статьи на Интернет-сайтах*¹⁶.

Новизна результатов проведённых исследований. Научная новизна диссертации проявляется как в самой постановке проблемы, так и в полученных теоретических результа-

¹ Horsmanden D. A. Journal of the Proceedings in the Detection of the Conspiracy Formed by Some White People, in Conjunction with Negro and Other Slaves, for Burning the City of New York in America, and Murdering the Inhabitants. Boston, 1771.

² The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources, 1745-1799. In 38 vol. Washington, 1936. Vol. 3.

³ Baldwin E. An Appendix, Stating the Heavy Grievances the Colonies Labour Under From Several Late Acts of the British Parliament, and Shewing What We Have Just Reason to Fear the Consequences of These Measures Will Be. New Haven, 1774.

⁴ Alien and Sedition Acts // Conspiracy Theories in American History : An Encyclopedia. P. 49.

⁵ Cobbett W. Detection of a conspiracy, formed by the United Irishmen: with the evident intention of aiding the tyrants of France in subverting the government of the United States. Philadelphia, 1799.

⁶ Morse J. A Sermon, Exhibiting the Present Dangers, and Consequent Duties of the Citizens of the United States of America. Charlestown, 1799.

⁷ The Proceedings of the United States Anti-Masonic Convention. New York, 1830.

⁸ Jefferson T. Letters (1743-1826). // University of Virginia Library. Electron. text data. Charlottesville, [s.a.]. URL: <http://etext.lib.virginia.edu/etcbin/toccer-new?id=JefLett&images=images/modeng&data=/texts/english/modeng/parsed&tag=public&part=116&division=div> (access date: 11.08.2010)

⁹ Strong J. Our Country: Its Possible Future and Its Present Crisis. New York, 1885.

¹⁰ Farmer E.J. The Conspiracy against Silver in the United States. Cleveland, 1886.

¹¹ Palmer M.A. The Case Against the Reds / M.A. Palmer // Forum. – 1920. – № 63. – P. 173-185.

¹² Ford H. The International Jew: The World's Foremost Problem. Whitefish, 2003.

¹³ Donnelly I.L. Caesar's Column: A Story of the Twentieth Century. Chicago, 1890.

¹⁴ Adams H. The Jews Make Me Creep (1896, 1901, 1914) // The Jew in The Modern World. P. 467.

¹⁵ Robertson P. New World Order. Dallas, 1991. 319 p.

¹⁶ Marrs J. Rule by Secrecy: The Hidden History That Connects the Trilateral Commission, the Freemasons, and the Great Pyramids. [Electronic resource] // Biblioteca Pleyades. – Electron. text data. [S.l.], [s.a.]. URL: http://www.bibliotecapleyades.net/sociopolitica/sociopol_rulebysecrecy_notes.htm (access date: 11.08.2010).

тах. Помимо тщательного исследования структурных компонентов феномена теории заговора, впервые в мировой исторической науке осуществлено исследование процесса взаимодействия теории заговора и исторического сознания современного североамериканского общества. Проведено комплексное исследование влияния теории заговора как на развитие истории американской нации в целом, так и на историю генезиса антиеврейских настроений в США в частности. В контексте истории становления американского общества определены факторы и идеи, повлиявшие на формирование исторического сознания и предопределившие специфическую роль в нем теорий заговора. На этом фоне проведено исследование истории развития мифа о «еврейском заговоре» в США, характерным образом демонстрирующего уникальность американской общественно-политической модели.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его материалов и результатов при подготовке трудов по истории США, по истории антисемитизма, а также в экспертно-аналитическом консалтинге материалов прессы по актуальным общественно-политическим вопросам, связанным с развитием современного исторического сознания; при разработке учебных курсов, спецкурсов по истории западной общественно-политической мысли, истории и историографии США, истории еврейской цивилизации, а также в научно-популярных публикациях в средствах массовой информации.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования получили отражение в пятнадцати научных публикациях, включая одну монографию на английском языке, а также – в выступлениях автора на трех международных, трех всероссийских и одной региональной научных конференциях.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав и заключения, списка источников и использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность избранной темы, ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, цели, задачи, хронологические рамки работы, получает освещение степень ее изученности в историографии, методологические основы исследования, содержится характеристика использованных в работе источников.

Первая глава «Истоки, специфика и историзм конспирологического мышления» посвящена описанию основных структурных элементов явления теории заговора, специфики бытования теорий заговора в современном обществе, роли истории во взглядах авторов теорий заговора, а также особого вида конспирологического историзма, ставшего характерным признаком, отличающим традиционные мифы о заговоре от современных.

В первом разделе дается определение явления теории заговора, под которым понимается такой способ восприятия действительности, когда отдельные события или окружающий мир в целом, находятся в неразрывной связи с действиями определенных скрытых сил (группы людей), их контролирующими.

Архетипическими чертами теории заговора являются¹: существование тайной организации; типовая аномалия участников заговора по сравнению с «естественным человеком»; цель заговора – распространение власти над миром; проект мирового порядка– «антисистема» к традиционной системе миропорядка. Конспирологическому мышлению характерна известная двойственность. С одной стороны, объяснение событий через призму заговора является упрощенным восприятием окружающей человека действительности: все укладывается в простую схему бинарного типа «я – другие», влияние альтернативных обстоятельств признается невозможным. С другой стороны, подобная логика восприятия событий предусматривает усложнение процесса доказательства путем включения разнообразных факторов, объективно усложняющих процесс доказательства существования заговора.

Во втором разделе речь идет об основных характерных признаках и функциях теорий заговора.

Находясь на периферии общественного дискурса, авторы теорий заговора стараются попасть в мейнстрим, преодолев недоверие общества. Для этого один из способов добиться достоверности своих идей – придать им вид научного знания, введя огромный реферативный аппарат. Фактологическая составляющая также является важной частью каждой теории заговора, связывающей реальность и вымысел, и отвечающей за верификацию выводов авторов теории заговора в глазах окружающих. Часто теории заговора ссылаются на заговоры, произошедшие в прошлом, подтверждая, тем самым, существование описываемого заговора. Однако, знание прошлого обнаруживает неосуществимость большинства заговоров, так как окружающая реальность гораздо сложнее, чем кажется конспирологам.

Среди черт теории заговора можно выделить объяснение кризисного положения общества в тот или иной момент времени. Теории заговора доступно объясняют природу происходящих вокруг событий людям, чувствующим бессилие изменить что-либо в жизни. Они создают определенный комфорт в восприятии действительности, психологически перенося ответственность за изменения привычной жизни и проблемы сообщества на реальных или воображаемых «других». Поэтому теории заговора могут стать поводом для обоснования агрессии в отношении определенных групп населения.

¹ Согласно типологии, представленной в работе В.Э. Багдасаряна «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX-XX вв. С. 5.

Конструирование образа врага при помощи теорий заговора опирается на распространенные в обществе стереотипы и предрассудки и чаще всего имеет иррациональный характер, апеллируя к эмоциям людей и негативным образам массового сознания. Используя образы врага и конфликтов, имевших место быть в историческом прошлом сообщества, его лидеры актуализируют негативный исторический опыт, мобилизуя сообщество против определенной группы людей, с которой в массовом сознании оказывается возможным связать текущие неудачи.

Придя на смену религиозному сознанию, теории заговора постепенно сформировали отдельную парадигму мышления в обществах, где активно шли процессы модернизации и секуляризации. Интегрируя в свою структуру некоторые элементы психологии человека, используя образ внешней научности и критического подхода к окружающей действительности, теории заговора стали качественно новым явлением в истории развития европейского общества, в понятных терминах и образах объясняющими происходящие в мире изменения. Более того, чтобы обработать информацию, полученную из конспирологической литературы, среднестатистическому читателю стало необходимо обладать определенными интеллектуальными качествами: такими как критическое мышление, средняя образованность и стремление составить свою собственную точку зрения по отношению к происходящим событиям.

Элитарность и массовость культуры является важной типологической характеристикой исследуемого явления. Надо отметить, что наибольшую преданность теориям заговора выражают представители интеллектуальных элит и среднего класса. Они обладают необходимыми интеллектуальными способностями, чтобы должным образом обосновать свои взгляды, делая их убедительными для окружающих. Однако, простым генерированием теорий заговора на уровне элит процесс не ограничивается, а переходит на уровень массового сознания, но в упрощенном виде, состоящем из отдельных элементов и распространяющийся, как правило, в виде слухов, способных мобилизовать сообщество. Заменив привычные формы межличностной коммуникации, существовавшие в традиционном обществе, слуховая культура в массовом обществе стала эффективной системой передачи актуальной информации, а также страхов и фобий. Конспирологические архетипы, выраженные в предрассудках, имеют широкое хождение именно на уровне слуховой культуры, объясняя происходящие вокруг события в бинарных категориях, присущих традиционному мифологическому сознанию. Та форма, в которой теории заговора существуют в массовом сознании, очевидно всего иллюстрирует преемственность структурных элементов мифа о заговоре из традиционного общества. Общий рост образованности в европейском обществе и развитие информационных технологий к концу XX века привели к тому, что граница между интеллектуальными элитами, генерирующими теории заговора, и массами, потребляющими их, стала более раз-

мытой. Каждый желающий, обладая достаточным количеством ресурсов, способен дать свое видение того или иного аспекта истории. Важное значение также сыграли современные медиа, позволившие репозиционировать теории заговора из субкультуры в мейнстрим популярной культуры.

В третьем разделе проводится исследование теории заговора сквозь призму мифотворчества. Анализ структуры теории заговора и ключевых архетипов позволяет сделать вывод о преемственности идеи о заговоре из сознания традиционного общества. Использование специфического мифологического восприятия мира («свои» и «чужие»), отбрасывая рациональные доводы, является эффективным способом фокусирования гнева на одной группе в обществе, создании образа врага. Он может быть закреплен за различными сообществами людей, в зависимости от их актуальности по отношению к проблемам, тревожащим людей. При этом образ врага «чужого» является частью «культурного депо» и конструируется из «общеизвестных и «отработанных» представлений, выступающих в качестве средств первичной социализации мифологических структур массовой идентичности той или иной социальной группы»¹.

Унаследованный из традиционного общества, миф о заговоре в его современном виде оформился в эпоху Просвещения, впитав основные черты развития интеллектуальной мысли западноевропейской цивилизации. Так, десакрализация окружающего мира привела к тому, что боги «стали» рациональны, обретя человеческий образ, но не потеряв сверхъестественных способностей. В качестве новых «божеств» стали выступать всемогущие тайные организации, обладавшие, по мнению сторонников теорий заговора, бесконечными ресурсами и возможностями. Более того, если для человека традиционной культуры, транслирование образов и событий окружающей действительности происходило на привычном языке, то в Новое время, в связи с социокультурной трансформацией европейского общества и увеличением роли науки, изменился и язык мифа, ставший теперь для большей убедительности сциентистским.

В четвертом разделе речь идет о том месте, которое история занимает в современном мифе о заговоре и специфическом типе историзма, выработанном авторами теорий заговора.

Проводя сравнение между традиционным мифом о заговоре и современным, можно обнаружить отсутствие категории истории и характерного современным теориям заговора тщательного исследования прошлого для понимания процесса развития того или иного заговора. Взятая за образец, теория «еврейского заговора» демонстрирует, что важнейшим элементом, появившимся в Новое Время, стала именно категория истории. В современном, сци-

¹ Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 13.

ентистском мифе о заговоре авторы, стремясь обосновать текущие проблемы своего общества чьим-либо заговором, стали обращаться к истории, воспринимая ее как важный способ понимания законов развития общества. Эта идея закономерности развития общества позволяла сформировать определенного рода матрицу видения исторического прошлого и через него – видение настоящего. Наполнение этой матрицы определенным смыслом обосновывало не только причины конфликта с той или иной группой, избранной в роли заговорщиков, но и псевдонаучным путем позволяло включать любые, пусть и разрозненные, факты в единую цепь, обосновывающую существование заговора. Активное использование истории объясняется, во-первых, ее способностью связать прошлое и настоящее, давая человеку определенные культурные ориентиры, позволяющие выработать модель восприятия действительности, а, во-вторых, важным влиянием, оказываемым историей на общественное сознание.

Конспирологический историзм представляет собой взгляд на историю человека, не способного что-либо изменить в своей жизни и смириться с происходящим. Собственное бессилие он вытесняет идеями о безграничной власти группы заговорщиков над всемирно-историческими процессами. Сообщества, объединенные подобными взглядами, формируют, согласно своему видению настоящего, и образ прошлого. И здесь универсальная способность исторического сознания к актуализации прошлого и связи времен играет для этих «обществ в осаде» важнейшую роль. Транслируя в прошлое запросы современности, они формируют искаженный образ исторического прошлого сообщества, основанный на мифах и стереотипах, канализирующий страхи, проблемы и негативные настроения в различные теории заговора. Вводя субъективный фактор в историческое прошлое, члены данного сообщества тем самым как бы «обретают себя» в истории, проецируя собственные проблемы вглубь столетий. Более того, подобная идеология представляется персонально вполне комфортной, не только снимающей с себя ответственность за собственную судьбу, но и оправдывающей агрессию.

Реконструкция истории авторами теорий заговора производится с таким расчетом, чтобы на общеизвестных примерах дать живописную картину превращения некогда гармоничной общности в ту проблемную, которой она является сегодня. Для этих целей в картине прошлого находятся образы, отвечающие общему смыслу конструкции истории (или создаются, в случае отсутствия подходящих). Таким образом, воплощается мифологический образ прошедшего «золотого века», разрушенный заговорщиками, но в который есть возможность вернуться, сплотившись против общего врага. Узловые моменты и образы массового сознания более других, как правило, наполненные мифологическим значением, чаще всего и становятся частью теории заговора, при этом «теории» меняются, а узловые моменты, наполняясь новым смыслом, остаются. Таким образом, теории заговора вбирают актуальные пробле-

мы окружающей действительности и, проецируя их на историческое прошлое коллективной общности, получают новый, требуемый обстоятельствами смысл.

В пятом разделе исследуется значение теорий заговора в дискурсе национальных государств.

Появление идеологии национализма существенным образом изменило социально-политическую и экономическую структуру общества, актуализировав стремление национальных интеллектуальных элит определить свое место в мире и объединить людей, проживавших на одной территории в единую национальную структуру. В связи с этим для формирования специфической идентичности, встала необходимость определить «своих» и «чужих» миропорядка, что в некотором смысле способствовало созданию и использованию теорий заговора, способных сплотить и мобилизовать общество. Более того, для полноценного существования нации требовалось и «изобретение» прошлого, к чему были привлечены, прежде всего, историки, способные создать необходимый метанарратив нации. Он должен был включать не только своеобразную «идеализацию» культуры, но в некоторых случаях и описывать историю взаимодействия с «другими» миропорядка, подчеркивая «их» инаковость и усиливая «нашу» идентичность. Создание нации также обуславливало внедрение демократических принципов управления государствами и, соответственно, последующее изменение структуры общества, что давало почву мифу о заговоре как реакции традиционных элит на текущие изменения в их статусе. Одновременно с этим, идея о заговоре обосновывала мобилизацию граждан на борьбу с несправедливостью и безграничной властью прежних элит. В этом смысле использование идеи о заговоре продемонстрировало известную амбивалентность, став одновременно и орудием консервативных элит, противостоящих новым национальным движениям, и мощным двигателем национального движения, способным привести общество к революции и мятежу против устоявшейся системы общественных отношений.

Во второй главе «Традиция конспирологического мифотворчества в Соединенных Штатах Америки XVII – XX вв.» рассматривается развитие идеи о заговоре в контексте истории американского общества.

В первом разделе прослеживается развитие идеи о заговоре в колониальный период истории США. Отправляясь в Новый Свет в стремлении избежать гонений со стороны католиков, пуритане воспринимали свое путешествие как Божественную миссию. Концепция «Града на Холме» обосновывала не только исключительность миссии поселенцев, но и закладывала основы для конспирологической ментальности. Страх заговора позволял мобилизовать население, в то же время, требуя создания ярких и убедительных образов врагов, первыми из которых стали католики и индейцы. Если страх «католического заговора» был обоснован памятью о репрессиях в Европе, то индейцы служили самым очевидным «другим»,

прочно связываемым в массовом сознании с дьяволом. Среди поселенцев-пуритан было обычным делом представлять индейцев, приносящими дары дьяволу и выполняющими его приказы, а также жестокими и развратными соперниками. Колонисты также прибегали к мифотворчеству, связывая разрозненные атаки индейцев с военным гением Великого Вождя. Противостояние дьявольски талантливому противнику укрепляло веру поселенцев в потусторонний заговор и позволяло быть настолько агрессивными и жестокими, насколько того требовали обстоятельства. Под влиянием религии, индейцы изначально связывались с дьяволом, однако по мере секуляризации окружающего пространства стали восприниматься, как «инструмент» политики иностранных держав.

Страх дьявольского заговора также нашел свое проявление в ведовских процессах, самым известным из которых был процесс над ведьмами из города Салем. Идея об исключительной роли американских поселений в истории заставляла наиболее религиозных членов сообщества искать дьявольский заговор повсюду. Из коллективного сознания оказались извлечены распространенные образы (дьявол, ведьма, индеец), которые на фоне различных социальных проблем обосновали природу переживаемых сложностей «заговором». Похожая ситуация сложилась в 1741 году в Нью-Йорке, где внезапные пожары в массовом сознании оказались связанными с действиями испанских заговорщиков, пытавшимися уничтожить колонии руками чернокожих рабов. Историческая память о восстаниях рабов, наиболее актуальная для Нью-Йорка, дала импульс для истерии, а стремление обосновать страхи привело к формированию идеи о масштабном заговоре католических держав против американских колоний.

Своеобразная традиция во всем искать заговор помогла сформировать идеологическую парадигму для борьбы с британским правительством, ставшую одной из ключевых предпосылок для революции. В условиях, когда американская экономика была уже самодостаточной, в обществе сформировалась интеллектуальная элита, а сознание поселенцев уже было не колониальным, а, скорее, национальным, протекционизм Британской империи начал тяготить, и теории заговора явились мощным мобилизационным инструментом формирования национального государства. Огромное количество публикаций, по-разному описывавших отношения между колониями и метрополией, сходились в одном – против североамериканских колоний реализуется заговор, помешать которому может лишь вооруженная борьба. Америка для поселенцев стала отождествляться со страной, в которой нет коррупции, несправедливости и деспотизма, как земля свобод и равных возможностей для каждого, избранная божественным провидением. Однако, победа революции и объединение разрозненных колоний в одно государство обусловили новый шаг в развитии конспирологической ментальности и ее влияния на историческое сознание американцев.

Во втором разделе анализируется генезис мифа о заговоре в контексте развития американской нации, а также основные мотивы теорий заговора и возможные объективные причины социального, экономического и политического плана, обусловившие их появления.

Британское наследие политической культуры, обусловившее специфическое недоверие к политике правительства, а также постоянный приток эмигрантов, выступавших в роли «другого», на фоне укреплявшейся идеи об исключительности США создавали предпосылки для развития конспирологического менталитета. Одновременно с этим начинает оформляться специфическая система «сдержек и противовесов», тесно взаимодействующая с историческим сознанием, позволяющая локализовать наиболее одиозных общественных и политических деятелей от доминирующих позиций.

На фоне формирующейся американской государственности и оформления национальной идентичности дебаты между федералистами и республиканцами, дискуссии об экономической и политической структуре новой республики, правах штатов, налоговой и внешней политике неизменно поднимали вопрос о вовлеченности политиков в заговор с целью либо разрушить республику. Однако, уже на этом этапе американской истории идея о заговоре, укорененная в исторической памяти, продемонстрировала свою амбивалентность. С одной стороны, образы заговорщиков были почерпнуты из исторической памяти нации, мобилизуя американцев, но одновременно с этим память о возможных последствиях агрессии в отношении вероятных заговорщиков срабатывала как защитный механизм сохранения баланса социально-политической системы.

Часто политики и общественные деятели прибегали к аргументу об угрозе американским свободам и ценностям, которую несут в себе эмигранты, тайные общества или иностранные державы. Для каждой группы граждан эти ценности имели свое смысловое наполнение в зависимости от их социального положения и политических взглядов. Воспринимая изменения в обществе через субъективные ощущения соответствия их духу свобод «истинного» американца, различные социальные группы определяли для себя актуальный источник угрозы для американской нации. Гражданская война между северными и южными штатами также нашла свое отражение в теориях заговора. Стороны по-разному видели причины конфликта, используя традиционные образы и мотивы, характерные для конспирологической ментальности: коррупция федерального правительства, внешний враг, внутренние противники в лице рабовладельцев. Следует заметить, что использование идеи о заговоре в дебатах о рабовладении помогло победить инертность общества и привлечь внимание к аномальности феномена рабства в демократическом обществе.

С ростом влияния США на мировой арене количество образов заговорщиков становилось больше и разнообразнее. В частности, теория «еврейского заговора», разработанная в

Европе, проникла в США в 1880-х гг., завоевав много сторонников. Одновременно с этим, торговцы, мелкий бизнес и специалисты узкого профиля обнаруживали себя один на один с крупными общенациональными корпорациями, «безликими» структурами, с помощью невероятных финансовых возможностей разрушавших прежний образ жизни. Более того, в период индустриального бума и возросшего потока эмигрантов из Европы, в американском сознании начинается формирование концепции «заговора социалистов» (эволюционировавшей в идею коммунистического заговора), имевшей важное значение для США на протяжении всего XX века.

В середине XX столетия социальные и политические изменения в американском обществе оказали влияние на генезис мифа о заговоре. Эпоха маккартизма, ставшая одной из наиболее драматичных страниц в американской истории, продемонстрировала то, чего может достичь активное использование идеи о заговоре на уровне национальной политики. Всеобщий страх «коммунистического заговора» напоминал по масштабу страх «дьявольского заговора», буквально парализовавший жителей Салема в XVII веке. Привычная традиция повсюду искать врагов сформировала устоявшийся набор негативных образов, на который были спроецированы неуверенность и страх стремительно меняющегося мира.

Череда потрясений, связанных с ломкой привычной социальной структуры и борьбой за гражданские права, убийством политиков, войной во Вьетнаме и Уотергейтским процессом ускорили прогресс кризиса веры в американские институты, став необходимым базисом для сторонников теории заговора, чтобы утверждать свою правоту. Развитие информационных технологий предопределило удивительный по своему масштабу рост и диверсификацию теорий заговора, к концу XX века сформировавших целую «культуру заговора».

В третьей главе «Теория «еврейского заговора» в США» в контексте американской истории рассматривается появление и развитие идеи об «еврейском заговоре» - традиционном мотиве конспирологического мифотворчества.

В первом разделе идет речь о развитии идеи об «еврейском заговоре» в контексте американского антисемитизма. Начиная с первых евреев в колониях, которые, благодаря специфическому характеру диаспоральной жизни и идеологическим установкам пуританизма, подвергались меньшим нападкам, до середины XIX века для американцев евреи представлялись чем-то мифическим, что невозможно встретить в реальности. Первые теории об «еврейском заговоре» появились во второй четверти XIX века и базировались, в основном, на традиционных для христианства антиеврейских настроениях, не имея широкого хождения в обществе. В середине XIX века в США объективно отсутствовали предпосылки для распространения антиеврейских теорий заговора. Во-первых, численность еврейской общины была очень маленькой, во-вторых, ненависть к евреям противоречила концепции Америки, как

убежища для угнетенных. В-третьих, экономический успех евреев четко вписывался в парадигму «американской мечты» и еврейская предприимчивость зачастую воспринималась, как позитивная черта характера.

Несмотря на устойчивый тренд видеть заговорщиков в лице эмигрантов, американцы до определенного времени предпочитали видеть угрозу в других этнических сообществах, оставляя без внимания еврейскую диаспору. Страх «иудаизации» американской нации появился лишь на рубеже XIX-XX вв. в ответ на массовый приток евреев из Российской империи. Во второй половине XIX века на фоне конфликта старых и новых элит еврейские эмигранты стали восприниматься, как угроза существующему социально-экономическому статусу, разрушающая американскую нацию изнутри. Упрочению этой идеи способствовали и другие европейские эмигранты, принесшие с собой идеи о заговоре, популярные в Европе. Изменения в социальной структуре общества, в экономической и политической повестке дня после Гражданской войны, положили начало т.н. идеологическому антисемитизму – периоду в истории евреев в США, отличающемуся особенным распространением антиеврейских теорий заговора. Негативный образ еврея был представлен практически на всех уровнях общества, как всемирный клан, способный свергнуть любое правительство и контролирующий мировые финансы. Классическими образами служили шекспировский Шейлок, а также семейство Ротшильдов, прочно закрепившиеся в парадигме конспирологического сознания. Революция в России и выступления рабочих в США дали новый толчок развитию антисемитизма, кульминацией которого стал цикл публикаций Генри Форда («Международное еврейство»). Однако, несмотря на довольно большую популярность антиеврейских настроений в этот период, представители еврейской общины выиграли суд против Г. Форда о защите чести, что подчеркивает успешное функционирование системы, предотвращающей эскалацию политических конфликтов и изоляцию меньшинств. После Второй Мировой войны общая поддержка еврейской общины в американском обществе заметно выросла, в то время как идея об «еврейском заговоре» оказалась окончательно смещена в маргинальный сектор общественного дискурса.

Во втором разделе рассматривается казус «Мершаймера-Уолта», представляющий собой иллюстрацию того, какое место в современном американском общественном дискурсе занимают антиеврейские теории заговора и каким образом они взаимодействуют с историческим сознанием американской нации.

Дискуссия вокруг работы «Израильское лобби и американская внешняя политика» демонстрирует специфическое положение, которое конспирологическое мифотворчество занимает в американском историческом сознании. С одной стороны, оно имеет столь длительную традицию бытования в общественном дискурсе, автоматически переводя события в кон-

текст того или иного «заговора». С другой стороны, несмотря на устойчивое бытование теорий заговора в историческом сознании американского общества, ярлык «теории заговора» носит негативный оттенок и может употребляться, как решающий аргумент для нейтрализации аргументов оппонентов. Став частью массовой культуры, теория заговора продолжает считаться лишь параллельным пространством, члены которого существуют в реальности мифа. Активное использование метафоры «охоты на ведьм» в отношении работы профессоров подчеркивает, что само допущение мысли, что в Америке меньшинство станет изгоем, входит в конфликт с основополагающими концептами этнонационального сознания. С другой стороны, современные тенденции бытования феномена теории заговора в общественном дискурсе дают повод предположить, что обусловленные серьезными политическими, экономическими и социальными изменениями подобные дискуссии не раз станут в центре общественного внимания.

В **заключении** подводятся итоги и обобщаются результаты диссертационного исследования. Отмечается, что формированию особого типа американского исторического сознания способствовал ряд базисных концепций: к примеру, идеи исключительности и мессианства, ставшие основополагающими для американского исторического сознания уже с XVII века, представляли проект общества, очищенного от «недугов» европейской жизни: коррупции, деспотичной власти, рабской эксплуатации. Осознание того факта, что американцы подвержены тем же социальным «болезням», что и европейцы, воспринималось не как естественная черта природы человека, а результат страшного заговора.

Индивидуализм, равные возможности и неотъемлемые права гражданина – еще один из столпов общественного сознания американцев, обозначивших специфическое отношение к меняющейся реальности. Любые действия правительства или корпорации, вмешивающейся в жизнь гражданина и меняющей ее, отзывались в активной гражданской оппозицией и формированием идеологии «противостояния Системе», наступающей на права американского гражданина. В свою очередь, взаимосвязь «историческое сознание» – конспирологическая традиция в американском контексте носила двойственный характер. С одной стороны, историческая память американцев хранила множество образов врага, активизируемых в общественном сознании в зависимости от конкретных обстоятельств. Более того, в ряде серьезных социально-политических кризисов теории заговора становились доминирующим фактором. С другой стороны, историческая память о том, какие последствия может иметь активное использование теорий заговора в общественном дискурсе, явилась важным фактором, сдерживающим развитие для доминирования идеи о заговоре в общественном сознании американской нации. Обвинение в «охоте на ведьм» остается весомым контраргументом во внутривнутриполитических дебатах, не раз использовавшихся в процессе становления нации. Помимо этого, структура американской об-

щественно-политической системы оказалась сформирована таким образом, что политики и общественные лидеры, наиболее активно продвигающие идеи о заговоре, оказывались изолированными от властных структур для сохранения баланса системы. Ярким примером этого может послужить история еврейской общины и специфика развития теории «еврейского заговора» в США. Хорошо организованная структура еврейской общины и уважение к ценностям американского государства позволяет оказывать успешное сопротивление проявлениям антисемитизма. Кроме того, сама структура американской общественно-политической системы доказала свою способность препятствовать развитию потенциально опасных идей о заговоре до серьезных масштабов.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Публикации в рецензируемых журналах, определенных ВАК:

1. Яблоков, И.А. Мифологический образ Е.П. Блаватской в контексте концепции мифа А.Ф. Лосева [текст] / И.А. Яблоков // Вестник Томского государственного университета. – 2005. - № 289. – С. 121–124 (0,2 п.л.).

Монографии

1. Yablokov, I. Between Reality and Myth: The Debates About the Israel Lobby in the United States and Its Image in the Context of American Conspiracy Narrative / I. Yablokov. Budapest: CEU, Budapest College, 2009. – 98 p. (4,5 п.л.)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

1. Яблоков, И.А. «Мифология лика» Е.П. Блаватской [текст] / И.А. Яблоков // Материалы III-й Всероссийской научной конференции «История идей и история общества». – Нижневартовск, 2005. – С. 151–155. (0,2 п.л.).
2. Яблоков, И.А. Истоки «параноидального стиля мышления» в современной жизни [текст] / И.А. Яблоков // История идей и история общества. – Вып.4. – Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2006. – С. 202–204. (0,1 п.л.).
3. Яблоков, И.А. Конспирологические мифы в современной художественной литературе (на примере романа Д. Брауна «Код да Винчи») [текст] / И.А. Яблоков // Вопросы истории, международных отношений и документоведения: Сборник трудов студентов и аспирантов исторического факультета. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 123–126. (0,2 п.л.).

4. Яблоков, И.А. Конспирологический дискурс и современное историческое сознание [текст] / И.А. Яблоков // Методологические и историографические вопросы исторической науки – Вып. 28. / Отв. ред. Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 189–195. (0,3 п.л.).
5. Яблоков, И.А. Проблема конспирологической мифологизации исторического процесса (на примере американской историографии) [текст] / И.А. Яблоков // Мир в новое время. – Вып. 9 – СПб: Издательство «Геликон Плюс», 2007. – С. 296–299. (0,2 п.л.)
6. Яблоков, И.А. Представления об историческом процессе в риторике лидеров организации «Нации Ислама» [текст] / И.А. Яблоков // Истории идей и история общества. – Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2007. – Вып. 5. – С. 68–69. (0,1 п.л.).
7. Яблоков, И.А. «Теория заговора» как пример современного мифотворчества [электронная публикация] / И.А. Яблоков // Наедине с многообразием мира. Ксенофобия – стереотип – толерантность (Сборник памяти Р.М. Капланова). – Молодежная Правозащитная Группа Республики Карелия. – Петрозаводск // Режим доступа: <http://right.karelia.ru/rus/index.php?razdel=articles&page=2008052850> (Май 2008).
8. Яблоков, И.А. Политкорректность и актуализация некоторых установок современного мифосознания: «теория заговора» и израильское лобби в США (постановка проблемы) [текст] / И.А. Яблоков // Проблемы еврейской истории: Сборник докладов на международных молодежных конференциях «Сэфер». – Часть 1. – М.: Печатники, 2008. – С. 456–464. (0,4 п.л.).
9. Яблоков, И.А. О некоторых примерах использования риторики «врага» в контексте конспирологического мифотворчества [текст] / И.А. Яблоков // Материалы VI Всероссийской научной конференции «История идей и история общества». – Часть II. / Отв. ред. В.Е. Ерохин. – Нижневартовск: НГГУ, 2008. – С. 249–251. (0,1 п.л.).
10. Яблоков, И.А. О некоторых архетипах конспирологических конструкций (на примере текстов лидеров организации «Нации Ислама») [текст] / И.А. Яблоков // Вестник Томского государственного университета. – Серия: История. – Томск, 2008. - №2(3). – С. 116–123. (0,4 п.л.).
11. Яблоков, И.А. Конспирологический дискурс и общество стран Ближнего и Среднего Востока на рубеже XX-XXI в. [текст] / И.А. Яблоков // Арабский мир и сопредельные страны: Межвузовский сборник. / Отв. ред. к.и.н. В.П. Румянцев. – Томск: Издательство Томского университета, 2008. – С. 106–116. (0,45 п.л.).
12. Яблоков, И.А. Конспирологические мифы антисемитского характера и их бытование в современном западном медиапространстве [текст] / И.А. Яблоков // Тирош – труды по

- иудаике. – Вып. 9. / Отв. ред. Е. Ремпель, М. Членов. – М., 2009. – С. 175–186. (0,5 п.л.).
13. Яблоков, И.А. «Теория еврейского заговора» в Соединенных Штатах Америки в контексте истории американского антисемитизма (XVIII-XX вв.) [текст] / И.А. Яблоков // *Va pensiero sull'ali dorate. Исследования по истории мысли и культуры Востока и Запада. К 70-летию Е.Б. Рашковского.* / Отв. ред. Т.Г. Скороходова. – М. : Центр книги Рудомино, 2010. – С. 261–274. (0,6 п.л.).